

**Новая неграмотность: некоторые феномены
и языковая личность**

В центре наших размышлений в настоящей статье находится проблема «новой неграмотности». Объектом нашего изучения является языковая личность, компоненты языковой способности. Комплексно феномен неграмотности рассматривается в современной лингвopsихологии и лингвокультурологии. Материалом в наших исследованиях выступают вербальные ответы обучаемых, интерпретация индивидуального знания. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые аспекты новой неграмотности: проблемы прецедентных имен, орфографии, лексической семантики и умение усматривать комическое в целом тексте.

Наши современники, подчас имеющие высшее образование, пишут: «Толейран, В. Иленин». Не знают, кто такие Джо Дассен, Дж. М. Кейнс, Г. Мелехов. Недавно студентка рассказывала о революционных демократах и цитировала: «Черныш сказал, Черныш отметил...». Посмотрел в ее конспект – это оказался Чернышевский. Записала сокращенно – так и стал Николай Гаврилович Чернышом.

Анекдотичны ошибки современных студентов при переводе иностранных текстов на русский язык:

Экономисты развивались в Кембриджевском(!) университете в течение данного времени.

Теория Маркса-Энджельса(!)

Критика императорства (the criticism of imperialism)

В рабочей семье Джавиша Хангариана (in the working class Jewish Hungarian family)

Откуда эти ошибки?!

Конечно, писать грамотно важно. Уровень грамотности катастрофически упал. Впрочем, в американском учебнике

по психологии написано: «Проблемы с орфографией не мешают жизненному успеху». Человека создает средняя школа. Высшая – лишь дает специальность. Еду в троллейбусе в Твери, и на стенах читаю надписи-граффити: «Сериков-лАвелас (кАбель)». «Путин – наша любовь (нашИ)». Гуляю возле суворовского, где снимались «Кадеты», и на стене читаю «Макаров. Ты лудшИий».

Все это происходит на фоне потрясающего невежества современных студентов. Математик объясняет студентам теорему Колмогорова. «Холмогорова?» – переспрашивают студенты второго курса. Спрашиваю у студентов про итальянское Возрождение – студенты не могут назвать ни одного имени. Говорю про Рафаэля – «Ах, да, мы мультик смотрели...».

Высоцкому – семьдесят. Разговариваю со школьниками об авторской песне. «О, это нас не интересует». Достойный ответ на вопрос об актуальности его творчества. То ли дело Тату! И, конечно, это не Камеди Клуб, не Яна Чурикова, не Дом.

Это осуществляется в условиях, когда «школьников послали на три буквы» – так написано в российской газете(!) о сдаче школьниками ЕГЭ.

Недавно я случайно оказался в гостях – в кабинете русского языка и литературы вечерней школы. Будучи человеком любознательным, я окунулся в прошлое, в декорации картины «Доживем до понедельника». Рука учеников-переростков выводила в тетрадках: «За кем правда? За Лукой». Изучали революционеров в пьесе «Вишневый сад»... Повсюду взор наталкивался на старые плакаты «Красуйся, град Петров», «Пушкинское кольцо Верхневолжья», «Писатели в нашем крае». «Хотелось бы видеть среди писателей Ахматову, Гумилева, – мечтательно протянула коллега. – А все остальное – все это было, было и прошло».

Проглядываю тетради и ужасаюсь: *Фанвизин, Орзамас, Бальмонд, изучают ямп, корей и даптель, Краништит.* «Д.К. Мирон», – так записала студентка про «Декамерон». Смеялись – пьеса-то неизвестна, а «Мирон» – фамилия распространенная.

Полистал лекции про Раневскую, - «*женщину, стоящую над пропастью*»; про Есенина было сказано «*Хочет наверстать упущенное за границей после Эйсидоры Дункан*». Профессия актера у Горького обозначена обучаемыми так: «*пьет*». Однако уже фигурируют в школьных конспектах и «Окаянные дни» Бунина, и акмеизм, и записи о Ф. Сологубе.

На полках красовались книги «Механизмы торможения», справочник-агитатора-пропагандиста 1986 года, живописавший преступления акул империализма, пыльные журналы «Преподавание истории в школе», книга «Ленин и Тверской край», пыльный Толстой без обложки, пара старых учебников Бархударова и Крючкова, книга «Мир гуманизма», пособие для подготовки к ЕГЭ, почему-то книга «Приколы». Был плакат «Матерь человеческая» с цитатами из лирики Рождественского. Висел портрет Пушкина. Что и говорить, достойное методическое обеспечение.

Ситуацию венчал *портфолио* Троицкой Веры Васильевны – учителя, отличника народного просвещения, выпуска 1969 года Калининского пединститута. Нигде, кроме областного института повышения квалификации учителей, эта трудовая женщина не повышала своей квалификации. Графа «научно-методическая работа педагога» красноречиво зияла белизной.

И тогда мне подумалось: как это все абсолютно неадекватно современной ситуации. В тихой агонии советская школьная Атлантида медленно погружается на дно, шелестя желтыми листочками тетрадок и книжек.

Где новые педагогические технологии, не говоря об информационных, где внимание к тому, что за окном?!

Откуда вчерашнему школьнику и сегодняшнему студенту узнать про стилевые и жанровые стратегии в новой драматургии - Забалуев, Зензинов, Вырыпаев, братья Пресняковы и Дурненковы, М. Курочкин, Кс. Драгунская. Екатерина Нарши, Вадим Леванов, Е. Исаева, В Сигарев?! Где узнать про подвал Театра.doc, центр драматургии под руководством Казанцева и Рощина, фестивали «Новая драма», «Территория» «Черешневый сад», «Любимовка», как понять, чем знамениты фестивали новых пьес «Действующие лица», «Новая драматургия», «Территория», Аксенов-фест?! Где увидеть и прочитать пьесы «Таня-Дуня» О. Мухиной, «Русский сон» Ольги Николаевой, пьесы М. Угарова, О. Богаева, Е. Греминой, Д. Привалова?!

Как понять движение «пьесы-вербатим» – М. Курочкин, И. Вырыпаев, Е. Нарши, Г. Заславский, Е. Калужских, О. Дарфи, В. Леванов, С. Решетников, А. Корманов и А. Северский, Е. Гришковец?! С каким новаторским опытом соотнести?! Как узнать современную традиционную драму – Н. Коляда, А. Казанцев, А. Галин, С. Лобозеров, Н. Птушкина, М. Арбатова, А. Железцов, А. Слаповский, А. Яхонтов?! А рядом глобализирующийся мир – бит культура, «рассерженные молодые люди», исповедально-философский роман двадцать первого века. Оказываешься у книжной полки: Макьюэн, Памук, Мураками, Буковский. Керуак, Коэльло, Лессинг, Рушди, Вишневский, У. Эко, Хосейни. Негде школьнику и студенту узнать, кто они такие.

Из преподавания культуры исключен историзм. Л. Мартынов, В Соколов, Н Тряпкин, Ю. Кузнецов – классики поэзии Бронзового века – незнакомы современнику. Равно маловедомы ему бардовская песня, современные поэты, обэриуты. Не говоря уже об именах критиков литературы – Лакшин, Белкин, Мамардашвили, Гачев, Б. Тарасов, Зо-

лотусский, Анненский. За семью печатями остается то, о чем написала Л. Сараскина о Солженицыне и Достоевском, И. Волгин о Достоевском.

Не слышны и современные поэтические голоса уже, увы, отнюдь не юных поэтов: Кибиров, Пригов, Рубинштейн, Иртенъев, Е. Рейн, Б. Кенжеев, С. Гандлевский, А. Цветков, О. Николаева, И. Вулых и Т. Глушкова, А. Парщиков. Ни малейшего представления нет и о Юзе и Петре Алешковских, Д. Липскерове, Н. Коляде, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Д. Рубинной, Т. Толстой, Н. Садур, В. Нарбикове, С. Шаргунове, И. Мамаевой, В. Орловой, З. Прилепине, М. Шишкине, Ю. Мамлееве, Д. Гуцко.

Самый занятый человек начала двадцать первого века – ученик одиннадцатого класса – не получает никакой поддержки в деле освоения современной культуры. Не получают ее и молодые люди более старшего возраста. В апреле 2008 года Левада-центр провел опрос 2500 россиян в трех крупных городах России: Москве, Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. Самым талантливым писателем современности россияне считают Бориса Акунина, на втором месте по популярности – Дарья Донцова, третье место занял Пауло Коэльо. Далее в порядке убывания идут Александр Солженицын, Татьяна Устинова, Стивен Кинг, Александра Маринина, Харуки Мураками, Виктор Пелевин, Джоан Роулинг, Дэн Браун, Сергей Лукьяненко. В первую тройку классиков вошли А. Пушкин, Л. Толстой и Ф. Достоевский. Последним же в списке классиков стал Э.-М. Ремарк.

С тревогой слежу за дискуссией, развернувшейся в среде, окончательно не простившейся с культурой. В последнее время в масс-медиа появились сообщения о том, что отменяется обязательный выпускной экзамен по литературе. Сочинение по литературе ежегодно писалось всеми выпускниками страны первого июня. Якобы сегодня невозможно составить квалифицированное тестирование. А то

как же: выбрал нужный ответ – и все готово. Обязательное сочинение уже давно заменялось на диктант и изложение, ЕГЭ по русскому языку уже котируется как вступительный экзамен в вузы.

Аргументом отмены сочинения звучит то, что с литературой знакомятся по тонким выжимкам из книг, что электронный век распространяет массу банальных шпаргалок типа «Как написать образцовое сочинение». Экзамен-де уже давно утратил свое назначение – продемонстрировать знакомство с классикой русской культуры, умение излагать мысли стройно, композиционно, вообще показать само умение мыслить ...

Сегодня также ведется дискуссия по отбору произведений в школьную и вузовскую программы по литературе. Важны принципы отбора произведений художественной литературы для чтения и разбора школьниками и студентами. Полагаем, что дискуссию должны вести не только ученые, специалисты в области образования, литературоведения и дидактики, но и библиотекари, деятели культуры, школьники и их родители.

Известный литератор И.Л. Волгин рассказывал недавно про свои беседы со студентами МГУ. Их ответы на экзамене анекдотичны: «В каком году умер Толстой? – Году в восемнадцатом – Да?! И как же он относился к советской власти? – Он ее ... принял». Или вот: «Отчего умер Пушкин? – Ну, его задушило самодержавие. – Когда? – При Николае ... Третьем». Известные специалисты МГУ имени Ломоносова обратились по поводу пагубности отмены сочинения в самые высокие государственные инстанции, мы видели это письмо в «Литературной газете».

Много говорится сегодня по поводу «заботы» о русском языке, но на эти проблемы необходимо смотреть в комплексе с изучением литературы. Иначе на второй план отошла бы этическая проблематика, свойственная одной из больших литератур мира – русской. Светским Евангелием

называли литературу писатели XX века. Мы безвозвратно утрачиваем дар читать бескорыстно, как в юности. Все более и более стремительные темпы ускоряющегося века отбрасывают чтение за ненадобностью как забаву избранных.

Причины необходимости пересмотра программы по литературе ясны. Мы живем в новых общественно-политических реалиях. Налицо и явное снижение роли писателя в обществе. Прекрасные русские и советские писатели изымаются не только из учебников, они давно изъяты из нашей действительности. Их заменили иностранные мультфильмы и фэнтезийные авторы. По мнению некоторых специалистов, большинство классических произведений недоступны части школьников по содержанию (виною тому называются клиповое сознание, инфантилизация). Надо напрячь мозг, чтобы понять необходимость литературных героев в жизни каждого культурного человека. А сейчас можно жить без напряжения. «Чрезвычайно трудно доказывать необходимость изучения литературы детям, в глазах которых счетчик», – справедливо полагает ряд не самых последних педагогов. Литература из властительницы дум превратилась в банальную развлекательную индустрию.

Школа – отражение сегодняшнего социума, в ней преломляются негативные социальные процессы девяностых годов – деинтеллектуализация и архаизация образа жизни значительной части населения, полное устранение просветительского научного дискурса из средств массовой информации. Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека – человека массы. Это полуобразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций.

Все это необходимо проходит на фоне упрощения культурологического образования в школе и вузе. Потеряно понимание значимости культурной традиции, восприимчи-

вость к культуре. Понимание искусства надо воспитывать. Так, Ю.М.Нагибин писал: «Лишь взглядываясь в образы красоты, созданные искусством, будь то Венера Милосская или Ника Самофракийская, Мадонна Рафаэля или мальчик Пинтуриккио, Флора Тициана или автопортрет Ван Дейка, царевна–лебедь Врубеля или три богатыря Васнецова, крестьянская девушка Аргунова, кружевница Тропинина, дочь Нестерова или бегущая спортсменка Дейнеки, можно приучить свой глаз и душу к той радости, которую дает встреча с прекрасным» [Нагибин 2000: 278].

Спрашиваю студентов про вкусы в области самого важного из искусств – кино. «Ультрафиолет», «Робот», в лучшем случае «Гарри Потер». Эрзац порождает эрзац. Кино авторское, история кино – где-то за горизонтом понимания. Для масскульта характерны стандартизация культурной деятельности, ее профанация, активное тиражирование с использованием средств массовой коммуникации (пресса, радио, ТВ, компьютерная сеть).

Смотрим не самый плохой фильм «Анна и король». По сюжету, учительница отказывается принять богатый дар короля Сиама – отца ее ученика. *«Ну и дура. Продала бы в Англии. – Да что ты. У нее (через губу, презрительно) п р и н ц и ы »*. Речь школьников и студентов полна клише из второсортных американских фильмов: *«Я в порядке», «У вас проблемы», «Непонятно», «Детей я беру себе», «Я не о том, дорогая»*.

Журналы?! В лучшем случае можно полистать журнал «Ответь» с томными наглицами-звездами на обложке. Со стрелялками не сравнится никакой театр. Да и театр – где он? Либо пыльные и скучные «Вишневый сад» в тридцать десятый сезон и Островский, либо антреприза.

Редки в эфире голоса оперных певцов. Наш земляк Лемешев – пустой звук. Многие никогда не слышали его голоса, не говоря об Иванове, Козловском, Рейзене, Лисициане, Максаковой, мировых оперных певцах... Кроме то-

го, идет поток негативной или лицемерной информации по телевидению. Кочуют из программы в программу Резник, Орбакайте, Петросян, Шкет... Культура подачи информации по телевидению носит клиповый характер. По телевидению что-то рассказывается о Сталине, жертвах марта 1953 года и вдруг: *«Где найти людей, которые не любят Балтику–семь?! Вам всегда смогут перекинуть деньги. Живи на яркой стороне. Масло ТНК дает уверенность. Для деловых и модных...»*.

Все это происходит под лепет педагогики о необходимости выработки компетенции, социализации, освоения социальных ролей, нацеленности на универсальные, а не предметно ориентированные способности. На наших глазах создается новая культура знаний и образования – полезное знание. Нет фундаментальных знаний, панорамного видения проблем, ушел, помахав рукою, энциклопедизм. Произошла десакрализация знания. Грустны размышления о культурном горизонте классов (похоже, они опять объявились в нашем обществе). Вырос человек, не слышавший о Феллини и Шекспире, сознательно исключивший их из своего обихода. Или это одна из технологий управления? Лояльной посредственностью руководить легче.

В сети возникает так называемый «язык падонкафф». Это не фонетическое письмо, а намеренное искажение языка, его крайние формы искажения, метаирония над грамотностью: *туд* вместо *тут*, *пачиму* вместо *почему*, *остаецца*, *христаматийный*, *фелософия*, *тродиция*, *афтор*, *кисларод*, *дагадацца*, *нихачу*, *фупазор*, *мысли вазникают в маеи измученной навастями галаве*, *вофсе нед*, *кетайский школьнег*, *красавчег* и т.д. Иные падонки уже становятся культовыми персонажами. Этот сленг называют олбанским. На сайте udaff.ru «тусуются» тысячи человек ежедневно. Есть мнение, что любой текст, написанный на языке падонкофф, теряет агрессию и пафосность. Ведь здесь чувствуются элементы иронии: *почетайте*, *я запейсал*,

шел вон, чмовый тролль, диссиденты, онегдоты, жадно-классники, ну вот нах спрашиваеЦЦа.

Создается впечатление о криптолалической функции такого языка для посвященных: *я сабж разлочил, каменты отключаю, поскольку откомментировались все уже, под котом-фотки к посту, френдлента, имхо, к-а, под котом лидочки опять флешмоб, в ютубе.*

Блогосфера воспринимается как пространство прайваси и свободы, простирающееся, как известно, пока оно не нарушает свободы другого, не идет на преступления, предусмотренные УК. Оценочность постоянно присутствует в сообщениях: *возбуждение животного потреотизма, порадировать, мундаки, нипайду, шел вон, чуня.*

Полагают, что неумеренный мат в албанском звучит даже нежно. Некоторые исследователи пишут, что идеология падонкофф строится на отрицании образования, стремлении к оригинальности и протесте против несвободы. Вот такой коктейль. Под редакцией С. Минаева выходят сборники прозы падонкофф (феномен «Литпром»).

Не будем забывать, однако, что грамотность, прецедентные тексты, имена – лишь одна из сторон языковой личности. Каковы уровни, компоненты языковой способности?! Эта проблема занимает нас в связи с изучением перевода на родной язык как одной из высших способностей языковой личности. Чему должно учить при переводе? Каковы трудности родного языка?

Можно отталкиваться от языковой нормы в ее орфографической ипостаси. Нет сомнений, что в переводимом тексте не должно быть орфографических ошибок. Необходимо серьезное изучение орфографии. На школьной ступени долгое время все и сводилось к изучению орфографической и пунктуационной нормы.

Часто обучение ведется не на позитивных образцах, а на примерах ошибок. Можно отталкиваться от многочисленных типологий речевых ошибок. Их создано великое мно-

жество. Так, на высшем уровне языковой способности – стилистическом – выделяют речевые ошибки, вызванные неправильным выбором слова, учетом лексической сочетаемости, явлением речевой избыточности (плеоназм, тавтология, ляпалиссиады, пустословие). Употребление слова без учета его семантики, нарушение лексической сочетаемости, неправильный выбор синонимов, немотивированные объединения стилистически несовместных лексических средств порой заслоняют нормативные и – что еще более важно – творческие примеры хорошего стиля.

Необходимо обучать учету контекста – вдумчивой оценке слова с точки зрения мотивированности его в контексте. Сюда же относится анализ закономерностей использования стилистически значимых средств. Например, знание лексической синонимии – необходимое условие речевой культуры человека. Сложно порой построить простой синонимический ряд типа *смеяться – хохотать – заливаться – закатываться – покатываться – хихикать – фыркать – прыскать*. Необходимо рассмотрение синонимов в контексте: *быстрый (взгляд, походка, шаги, решение, движение) – скорый (поезд, помощь)*. Показательна неспособность к внутрстилевой синонимике и межстилевой синонимике типа *лик – лицо – ряха – мурло – харя*. Необходимо учить использованию правильного синонима, стремлению к такой категории, как семантическая точность.

Антонимия актуальна для переводчика на родной язык в связи с антонимическим переводом. Такие явления, как полисемия, паронимия помогают учету стилистической окраски слова. Слова стилистически неравноценны. Выделяются книжные слова, торжественные, принадлежащие к другому функциональному стилю. Существует большой пласт лексики, не закрепленной в функционально-стилевом отношении (общеупотребительная). Важно понимание эмоционально-экспрессивной окраски – торжественной, поэтической, шутливой, ироничной, фамильярной, неodob-

рительной, пренебрежительной, презрительной, уничижительной, вульгарной, бранной. В художественной речи существует лексика торжественная, официальная (холодная), интимно-ласковая, шутливая, нейтральная. Показательно, что в германистике, например, существует другая система оценок.

Изучение речевого стандарта подразумевает выделение стандартных средств выражения и собственно клише, и штампов, и шире – явления речевого стандарта как явления речевого этикета. Языковыми стандартами называются готовые, воспроизводимые в речи средства выражения, их свойства – четкая семантика и экономное выражение мысли (В. Г. Костомаров).

Заслуживает внимания проблема «терминология в речи». Показательны неоправданное употребление слов с различной стилевой окраской, смешение стилей, экспансия просторечия в публицистический стиль. Нас интересуют такие вопросы, возникающие в связи с узусом русской речи переводчика, как стилистическая оценка сленга в современной русской литературной речи, стилистическая оценка заимствованных слов, стилистическая классификация заимствований, стилистически неоправданное употребление заимствованных слов [Бушев 2006, 2007, 2008].

Известны структурные качества речи – правильность, чистота, богатство. Теория коммуникативных качеств речи в рамках функционального подхода выделяет такие функциональные качества речи, как точность, логичность, ясность, доступность, уместность.

Есть еще один вариант – идти от качеств, предъявляемых к речи. Актуально учение о качествах речи, разработанное Б. Н. Головиным. Оно развивается, в частности, в работе В. В. Соколовой [Соколова 1995].

Существенным критерием выступает в теории языковой личности умение оперировать целым текстом.

Посмотрим на следующий современный русский текст:

Досточтимые коллеги! Имеем честь пригласить вас на Юбилейные Хлестаковские чтения, организуемые кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского университета! Чтения состоятся 30–31 марта 2009 года в Саратовской губернии на родине бессмертного литературного героя Ивана Александровича Хлестакова. Чтения приурочены к празднованию 200-летия Н. В. Гоголя и 100-летия Саратовского университета.

Посему мы предлагаем вам «заумствоваться» на темы:

- литературной, театральной, читательской судьбы и славы самого Ивана Александровича и его создателя – юбиляра Николая Васильевича Гоголя;

- феномен юбилея в мировой культуре, формы и механизмы его реализации в русской и мировой литературе;
- мистификации, вдохновенного обмана и хвастовства, проявляющихся в произведениях литературы, журналистики и PR.

Посетители чтений – непосредственные участники, слушатели и просто зеваки – смогут походить гоголем, осматривая знаменитые места Саратова и его окрестности: улицу Гоголя, дом И. А. Хлестакова с фонтаном, памятник Петрам Ивановичам Добчинскому и Бобчинскому, а также присутствовать на открытии шкафа-музея И.А. Хлестакова, откушать лабардана, посчитать сорок и сорвать цветы удовольствия.

Итогом юбилейных чтений станет сборник научных и околонаучных статей. Стоимость страницы – 100 рублей (уважаемый оргкомитет опять берет деньги взаймы – в случае достижения кем-то из оргкомитета миллионного состояния, все деньги обязуемся тотчас же вернуть). Как сказал сам Н. В. Гоголь о Юбилейных Хлестаковских чтениях: «Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!»

ки языковых средств, опредмечивающих комическое. Актуальность исследования комического в связи с языковыми знаками состоит в обучении пониманию этого феномена в тексте и особым техникам создания творческого – в том числе комического текста. В последние годы представители семиотики, теории интерпретации текста, риторики и герменевтики обращают свое внимание на проблемы комического в современных и классических литературных и бытовых текстах. Гоголевская традиция комического полна иронии, сарказма, сатиры, гротеска. Известна в литературе и традиция юмористического. Понимание языковой и внеязыковой природы комического важно для процесса обучения родному и иностранному языкам, ибо на высших стадиях обучения языковая личность должна понимать комизм.

Таким образом, рассмотренные проблемы – орфография и языковая способность, лексическая семантика и тонкие смысловозначительные стилистические навыки языковой личности, знание прецедентных имен и понимание комического – иллюстрируют различные грани научной проблемы функциональной безграмотности. На ее ликвидацию должна быть нацелена работа нашей системы просвещения.

Литература

Бушев А.Б. Культурологический потенциал исследованного языка// Тезисы докладов участников I Российского культурологического конгресса 25–29 августа 2006 г. в Санкт-Петербурге. – СПб, 2006.

Бушев А.Б. Русский язык и современный социум// Знамя, № 11, 2007. В сокр. виде в книге: II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы. – М., 2008.

Бушев А.Б. Культура информации в блогосфере // Второй Российский культурологический конгресс с междуна-

родным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему». – СПб., 2008.

Нагибин Ю.М. Дневник. – М., 2000.

Соколова В.В. Культура речи и культура общения. – М., 1995.

©Бушев А.Б., 2009